
ПРАКТИКИ СБОРА И АНАЛИЗА ФОРМАЛИЗОВАННЫХ ДАННЫХ

Е.В. Ткаченко
(Москва)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОКОЛЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ХАРАКТЕРНЫХ ДЛЯ РОССИЙСКИХ МИЛЛЕНИАЛОВ УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К ПИТАНИЮ¹

Статья посвящена описанию авторского метода анализа поколенческих различий – схеме максимальной дифференциации поколений. Схема предполагает поиск уникальных трендов в поколении миллениалов (1982–2000 г.р.), которые не наблюдались ни во всей выборочной совокупности, ни в двух других поколениях по трем видам измерения данных (кроссекционный анализ, анализ временных изменений и долговременный анализ). Для удовлетворения механики схемы, помимо миллениалов были включены советское поколение (1947–1967 г.р.) и реформенное поколение (1968–1981 г.р.). Исследование было проведено на примере базы Российского индекса целевых групп (РосИндекс). Благодаря схеме показано, что действительно характерной миллениалам установкой можно считать только высказывание «Я предпочитаю вегетарианскую пищу». Однако схема обладает двумя важными ограничениями: 1) она не чувст-

---

Евгений Васильевич Ткаченко – магистр социологии, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: evgeniitkachenk@mail.ru.

¹ Выражаю особую благодарность моему научному руководителю Ибрагимовой Диляре Ханифовне – кандидату исторических наук, заместителю заведующего кафедрой экономической социологии НИУ ВШЭ – за значимый вклад в подготовку и оформление данной статьи.

вительна к трендам, которые для отдельного поколения не уникальны; 2) схема не может быть использована в качестве единственного вида анализа и нуждается в дополнительных методологических процедурах. При учете данных ограничений схема максимальной дифференциации может быть полезна как в качестве отдельного вида предварительного анализа поколенческих различий, так и может быть включена в более широкий подход к работе с эффектами возраста и периода.

Ключевые слова: анализ поколений; схема максимальной дифференциации; миллениалы; установки к питанию

DOI: 10.19181/4m.2021.52.2

Введение

Изучение поколенческих феноменов современными исследователями не теряет свою актуальность: начиная от общих описаний различных поколений и их ценностей [1; 2; 3] и заканчивая фокусированным анализом отдельных поведенческих или потребительских характеристик [4; 5]. Здесь и далее под поколением понимается «совокупность индивидов, которые родились в один временной промежуток (age group) и которым присуще общее социальное местоположение, укорененное в протяженности социально-исторического процесса» [6, p. 292].

Однако выбор предмета изучения оставляет важные методологические проблемы с объектом, которому мало просто дать определение. От того, кого мы будем считать представителями поколения беби-бум, поколения X, миллениалов и т.д., зависят будущие результаты исследования (подробнее см.: [7]¹).

---

¹ В сборнике представлены как теоретические, так и эмпирические работы по выделению и анализу поколенческого объекта.

Для определения границ уже выработаны общепринятые подходы¹ – эмпирический (статистический) [8; 9] и аналитический (исторический) [1; 5; 10]. Однако сам по себе выбор подхода не помогает решить проблему дифференциации и накладывает определенные ограничения. Более того, сама механика (выбор метода) сравнения поколений также оказывает влияние на интерпретацию данных.

Одним из самых популярных методов анализа когортных и поколенческих различий является APC-анализ (age, period, cohort). Если не вдаваться в подробности, то такой анализ в целом направлен на описание и оценку независимого влияния возраста, периода и когорты на исследуемый параметр. Однако не всегда необходимо использовать только APC-анализ – он не представляется единственно правильной и унифицированной опцией. Даже саму проблему выделения эффектов возраста, периода и когорты исследователи решают немного по-разному, подбирая методику под конкретные задачи и используя разнообразные статистические и аналитические процедуры [11; 12; 13]. Наиболее частой процедурой для выявления вышеуказанных эффектов остается построение регрессионной модели. Однако в одной из недавних обзорных статей на эту тему подчеркивается, что «решить» проблему идентификации пока удастся только с помощью предварительных (пусть и не всегда преднамеренных) предположений, а полностью механические решения не работают [14]. С нашей точки зрения, представляется целесообразным обогащение методологических аспектов анализа поколенческих различий. Это необходимо потому, что APC-анализ «в стандартном виде»² не позволяет отследить

---

¹ Такое деление довольно условное, и, конечно, выбор методики выделения границ всегда вызывает справедливую критику и споры в исследовательском сообществе. Однако такая когнитивная модель существует, и при учете ограничений и рефлексии не исключает дальнейшей верной интерпретации результатов.

² Под «стандартным видом» понимается построение регрессионной модели на оценку эффектов без специального поиска уникальных трендов.

уникальные тренды, а лишь указывает на вклад возраста, периода и когорты в изменение исследуемого параметра.

Цель данной статьи – дополнить способы анализа поколенческих различий для поиска уникальных трендов. Для достижения цели мы предлагаем схему анализа различий среди поколений, основанную на *максимальной дифференциации* поколения N¹ от других поколений в прошлом и настоящем времени сравнения.

В данной статье эта схема показана на примере установок поколения российских миллениалов по отношению к питанию. Под установками по отношению к питанию подразумевалась степень согласия с высказываниями о совокупности действий, направленных на выбор, приготовление и различные формы потребления продуктов питания. Установки изучались посредством ответов респондентов по степени согласия с тем или иным высказыванием (шкала Лайкерта).

Сразу стоит отметить, что рассмотренный ниже пример частный, однако схема работы с дифференциацией поколений может быть также применена и в других исследованиях, в том числе когортных.

Контекст исследования

До обращения к схеме стоит кратко описать контекст исследования, на котором строится данный пример. В современной России большинство населения можно разделить условно на 1) советское поколение (СП), 2) реформенное поколение (РП) и 3) поколение, которое социализировалось в относительно стабильных условиях современной России (миллениалы).

Из предыдущих работ уже известно, что миллениалы в России отличаются от предшествующих поколений по ряду показателей: уровнем образования и владением иностранными языками [3, с. 66;

---

¹ N – любое поколение под любым названием или номером.

15, с. 311], временем первого вступления в брак [3, с. 69], трудоустройства [3, с. 72], отношением к профессиональной деятельности [16], проведению досуга [3, с. 88–89], потреблению алкоголя [3, с. 94], сигарет [3, с. 99] и так далее. На различия накладывает отпечаток социально-исторический процесс, который также релевантен и для сферы питания. В СССР был дефицит продуктов [17, с. 14], в 1990-е гг. присутствовали турбулентные колебания спроса и предложения, в нулевые российский продовольственный рынок стал преодолевать трудности, в итоге выйдя из кризиса конца 1990-х. Социализировавшиеся в СССР и в 1990-е гг. граждане с приходом нулевых изменили свое питание, подстроившись под новую продуктовую ситуацию [18]. То есть и советское поколение, и реформенное поколение в стабильное время, вероятно, могут питаться так же, как и миллениалы, которые в меньшей степени (по крайней мере, не так массово) ощутили на себе дефицит продуктов. Однако наличие или отсутствие тех или иных продуктов на полках магазинов не объясняет разнообразие потребительских привычек и популяризацию определенных стилей питания. Широкое распространение идей вегетарианства и веганства [19; 20; 21], этичного потребления [22; 23], нутриционизма [24; 25], пересмотр представлений о «хорошей», «плохой» и «нормальной» еде [26], а также наделение различной еды и способов ее потребления символическими смыслами [27] дают важный толчок к современному переосмыслению процесса питания. И именно миллениалы массово социализировались в условиях «продуктового и информационного изобилия» и возможности выбирать стиль питания.

Резюмируя, кратко обозначим определяемые российским контекстом предпосылки изучения поколенческих различий в установках по отношению к питанию:

- советское и реформенное поколения в России испытывали сравнительно больший дефицит продуктов, чем миллениалы;
- поколение X не имело возможности напрямую заимствовать практики жизни в продуктовом дефиците, так как уже к концу

1980-х гг. стало понятно, что модель «нового» дефицита будет отличаться от советского; соответственно, установки людей уже с этого момента могли отличаться от установок родителей;

– стабилизировалось все в 2000-е гг. Где-то в большей, где-то в меньшей степени, но в момент стабилизации появилось больше возможностей для манипулирования смыслами питания.

Выделение границ поколений

Один из главных вопросов в контексте любого поколенческого анализа заключается в определении временных границ поколений, чему и посвящена данная статья.

В различных источниках можно найти множество возрастных интервалов, которые выделяют исследователи при анализе тех или иных когорт или поколений [1; 5; 10; 13; 28]. В данной работе не ставится задача рассмотреть все источники по теме выделения поколенческих границ. Здесь показан алгоритм, который помогает структурировать логику анализа поколенческих различий в рамках того или иного предмета исследования. Мы рассматриваем этот алгоритм на примере установок миллениалов по отношению к питанию, но важно рассматривать как минимум три поколения для выявления различий. Характерные черты поколения могут быть изучены и описаны только благодаря сравнению и поискам отличий от других поколений, а также динамике этих отличий.

В качестве исходных временных границ поколений были взяты следующие: 1) поколение застоя (1947–1967 г.р.; взросление в 1964–1984 гг.), 2) реформенное поколение (1968–1981 г.р.; взросление в 1985–1999 гг.), 3) поколение миллениалов (1982–2000 г.р.; взросление в 1999–2016 гг.) [5, с. 18]. Однако формативные годы (годы взросления) были расширены с 17–25 лет до 16–25 лет. Добавление одного года было сделано потому, что на установки по отношению к питанию могло повлиять отделение подростков от родителей и вынужденное изменение пищевого поведения [29],

а в российских реалиях такое возможно уже относительно массово после окончания 9-го класса и поступления в колледж, училище и т.д. Соответственно, итоговые границы выглядели следующим образом: 1) **советское поколение** (1947–1967 г.р.; взросление в 1963–1983 гг.), 2) **реформенное поколение** (1968–1981 г.р.; взросление в 1984–1999 гг.), 3) **поколение миллениалов** (1982–2000 г.р.; взросление в 1999–2016 гг.).

Итак, обобщенный алгоритм выделения границ в данном примере имеет следующие этапы.

1. Определение объекта и предмета исследования.

2. Анализ «поколенческого поля», в котором необходимо выделять исторические предпосылки для поколенческой дифференциации в рамках объекта и предмета исследования.

3. Выбор подхода (аналитического или эмпирического).

4. Анализ конкретных источников в рамках выделенных объекта, предмета и «поколенческого поля».

5. Если таких источников недостаточно, тогда стоит прибегать к источникам, которые не полностью соответствуют первым трем пунктам алгоритма (например, в источнике рассматривалось релевантное «поколенческое поле» и объект исследования, но необходимый предмет не затрагивался и исследование было выполнено в рамках эмпирического подхода, основанного на реальном поведении, а не установках).

Методология анализа различий среди поколений

Для обнаружения действительно характерных установок, то есть присущих именно миллениалам как поколению, мы предлагаем дополнительно к статистическим процедурам или совместно с ними использовать **схему максимальной дифференциации** поколений. Данная *схема* предполагает поиск уникальных трен-

дов, которые не наблюдаются ни во всем населении¹, ни в других поколениях по трем видам измерения данных. Три вида измерения данных были взяты из когортных исследований [11]. Изначально данный вид анализа был интегрирован в социологию из демографии [11]. Одним из знаковых ученых, внесших весомый вклад в развитие такого метода, был Н. Райдер. Для улучшения качества анализа он предлагал проводить интеркогортное исследование (между когортами) и интракогортное (внутри одной когорты) [30]. Впоследствии другими исследователями схема была дополнена и предложены три вида измерения данных: 1) кроссекционный (сравниваются разные когорты в один и тот же период), 2) анализ временных изменений (одну когорту сравнивают на разных временных периодах) и 3) долговременный анализ (одну когорту сравнивают с другой в аналогичном возрасте, но в разных периодах) [11]. В анализе ниже (рис. 1 и табл. 1–5) три вида измерения применены не к когортам, а к поколениям.

Для анализа были взяты данные из репрезентирующей население городов России базы Российского индекса целевых групп (РосИндекс), разработанной компанией *Ipsos Comcon*. Совокупная база включает города России с населением более 100 тыс. человек. Исследование РосИндекса проходит ежеквартально и годовой объем выборки составляет в среднем 24 900 респондентов. В каждой волне исследования участвуют новые респонденты. Выборка стратифицирована по 12 экономико-географическим регионам, или по 9 федеральным округам и по 3 уровням городского населения (> 1 млн, 0,5 – 1 млн, 0,1 – 0,5 млн). Генеральная совокупность составляет 61,3 млн человек [31]. Исследование РосИндекса – это синдикативное исследование с элементами омнибуса. В таблицах и графиках ниже (рис. 1 и табл. 2–5) отражены данные по респондентам 16 лет и старше.

---

¹ Все поколения выборочной совокупности.

Таблица 1

ВОЗРАСТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ
В КАЖДЫЙ ГОД АНАЛИЗА, 2003 и 2016 гг. (лет)

Год анализа	Миллениалы	Реформенное поколение	Советское поколение
2003	16–21	22–35	36–56
2016	16–34	35–48	49–69

Для удобства дальнейшего чтения графиков и таблиц в табл. 1 приведены интервалы возрастов в каждый год для представителей трех поколений. Сравнивались смежные поколения (советское поколение с реформенным поколением, реформенное поколение с миллениалами) только в 2003 и 2016 гг. по трем видам измерения:

1) кроссекционный: сравнивались миллениалы в 2016 г. (16–34 лет) и реформенное поколение в 2016 г. (35–48 лет), а также реформенное поколение в 2003 г. (22–35 лет) и советское поколение в 2003 г. (36–56 лет).

2) анализ временных изменений: миллениалы в 2016 г. (16–34 лет) сравнивались с миллениалами в 2003 г. (16–21 лет), а также сравнивались миллениалы в 2016 г., которым было столько же, сколько и миллениалам в 2003 г. (16–21 лет). Такое сравнение необходимо для лучшей интерпретации результатов, так как в 2003 г. миллениалам еще не было и 22 лет, а в 2016 г. мы считаем миллениалами уже 34-летних. Поэтому, чтобы получить более полную картину, было принято решение сравнивать группу миллениалов дважды на разных возрастах.

3) долговременный анализ: сравнивались в 2003 и в 2016 гг. поколенческие группы с аналогичным пересекающимся возрастом. То есть миллениалы 2016 г. с реформенным поколением 2003 г. (22–34 лет и миллениалам, и реформенному поколению) и реформенное поколение с советским поколением в аналогичные периоды (36–48 лет и реформенному поколению, и советскому поколению). Также сравнивались поколения в 2003 и в 2016 гг. с

непересекающимся возрастом, то есть реальные поколения: реформенное поколение в 2003 г. (22–35 лет) с миллениалами в 2016 г. (16–34 лет) и советское поколение в 2003 г. (36–56 лет) с реформенным поколением в 2016 г. (35–48 лет). Два вида сравнения были сделаны для того, чтобы проанализировать, существуют ли различия в реальных выделенных поколениях и поколениях, представители которых находятся в том же возрасте в разных периодах.

Именно 2003 и 2016 гг. были выбраны из-за ограничений базы – далеко не все интересующие нас высказывания из базы (табл. 2) замерялись ранее, а более поздние волны на момент проведения анализа были недоступны. Именно крайние точки выбраны, так как отсутствовали серьезные изменения во всем населении в согласии с высказываниями в период с 2003 по 2016 г. Однако это не означает, что, применяя *схему максимальной дифференциации*, стоит сравнивать данные только крайних замеров (здесь такой выбор был оправдан). Эту схему можно применять как до проведения статистических процедур (для формулирования гипотез), так и после, когда уже известно, что в году Y поколение N отличается от поколения $N-1$ в году R^1 . В данном случае она применяется до проведения последующего АРС-анализа в качестве аналитического инструмента для формулирования и корректировки гипотез.

В работе проверялась одна основная **гипотеза**: установки миллениалов по отношению к питанию отличаются от установок предшествующих поколений. Для проверки гипотезы использовались только те высказывания, которые присутствовали в анкете и в 2003 г., и в 2016 г. (на белом фоне в табл. 2).

Гипотеза сознательно сформулирована в общем виде, так как для данной работы было важно обнаружить все возможные отличия миллениалов от предшествующих поколений в установках по отношению к питанию [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26] и понять, действительно ли такие отличия могут существовать в поколенче-

---

¹ Y и R – любые два разных года для поколений N и $N-1$.

Таблица 2

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ,
2003 и 2016 гг.

Список высказываний анкеты	2003	2016
Готовая упакованная еда – это ерунда	✓	✓
Для меня самый главный продукт – мясо	✓	✓
Еда в ресторанах быстрого питания – это гадость	✓	✓
Мне нравятся блюда иностранной кухни	✓	✓
Мне нравится пробовать новые продукты питания	✓	✓
Мне часто приходится перекусить чем-нибудь на ходу	✓	✓
Овощи, фрукты, крупы – это наиболее здоровая пища	✓	✓
Я – сладкоежка	✓	✓
Я готов платить больше, если я знаю, что продукт экологически чистый	✓	✓
Я люблю готовить	✓	✓
Я предпочитаю вегетарианскую пищу	✓	✓
Я слежу за количеством калорий в еде	✓	✓
Большую часть времени я стараюсь «сбросить» вес	✗	✓
Замороженные продукты ничем не хуже свежих	✗	✓
Мне нравится есть то, что не всегда полезно для меня	✗	✓
Мне нравится пробовать новые напитки	✗	✓
Сейчас мое питание более здоровое, чем раньше	✗	✓
Я всегда читаю на упаковке информацию о составе продукта	✗	✓
Я никогда не стану покупать генетически модифицированные продукты	✗	✓
Я стараюсь есть только здоровую пищу	✗	✓
Я считаю, что мое питание – здоровое	✗	✓

Источник: Российский индекс целевых групп, 2003–2016 гг.

ской плоскости. Предполагалось по результатам сформулировать уже более конкретные гипотезы для дальнейшего проведения АРС-анализа.

Теперь стоит подробно описать *схему максимальной дифференциации* поколений, то есть показать, какие высказывания для проверки основной гипотезы считались характерными для поколения – объекта исследования. Это те высказывания, которые у миллениалов различались с общими трендами. Например, если у всего населения с 2003 по 2016 г. доля согласившихся с высказываниями анкеты (полностью согласен и скорее согласен) росла, а у миллениалов снижалась, тогда на это высказывание обращалось внимание. Аналогично при обратной тенденции. Затем фокус перемещался в плоскость трех видов измерения данных: долговременного анализа, кроссекционного и анализа временных изменений. Одновременно должны были быть выполнены следующие условия:

1) долговременный анализ миллениалов и реформенного поколения не повторяет тренд советского и реформенного поколений, при этом показывая обратный тренд;

2) кроссекционный анализ на миллениалах и реформенном поколении не повторяет тренд советского и реформенного поколений;

3) анализ временных изменений не должен повторять общего тренда по совокупности.

При пользовании такой *схемой* могут сравниваться не только доли (как в этой статье), но и средние значения, индексы, абсолютные величины и т.д. Также для дальнейших исследований темы поколений такая *схема* может быть полезна не только для исследователей количественных данных (как в примере ниже), но и работающих в методологии качественного исследования.

Анализ отличий установок миллениалов от предшествующих поколений по отношению к питанию

Проведенные на высказываниях сравнения показали, что только высказывание «Я предпочитаю вегетарианскую пищу» соответствует всем трем вышеперечисленным условиям (рис. 1 и табл. 3–5). Хотя и по всей совокупности тренда как такового нет, так как на 95-процентном доверительном интервале изменение доли согласившихся с утверждением в 2003 и в 2016 гг. незначимо. Однако, даже учитывая этот факт, мы считаем, что данные в этом примере полностью соответствуют схеме, потому что остальные пункты выполняются полностью на 95-процентном доверительном интервале.

Во всем населении доля согласившихся с высказыванием «Я предпочитаю вегетарианскую пищу» немного снизилась (значимо на 80-процентном доверительном интервале) с 17,5 до 17,2% (табл. 3–5), а среди миллениалов выросла по сравнению с поколением X:

- 18,1% против 14,5% в реальных поколениях (табл. 3);
- 19,2% против 14,2% в двух поколениях в одинаковом возрасте (табл. 3).

Можно было бы предположить, что со временем с вегетарианством знакомятся все больше людей и в каждом следующем поколении доля согласившихся растет. Однако среди советского поколения и реформенного поколения в динамике такого не наблюдалось:

- 17,3% против 15,6% в реальных поколениях (табл. 3);
- 16,5% против 15,6% (значимо на 80-процентном доверительном интервале) в двух поколениях в одинаковом возрасте (табл. 3).

Обратный тренд виден, поэтому фокус переходит в другую плоскость – в статику. Кроссекционный анализ на миллениалах и реформенном поколении не повторяет тренд советского и реформенного поколений:

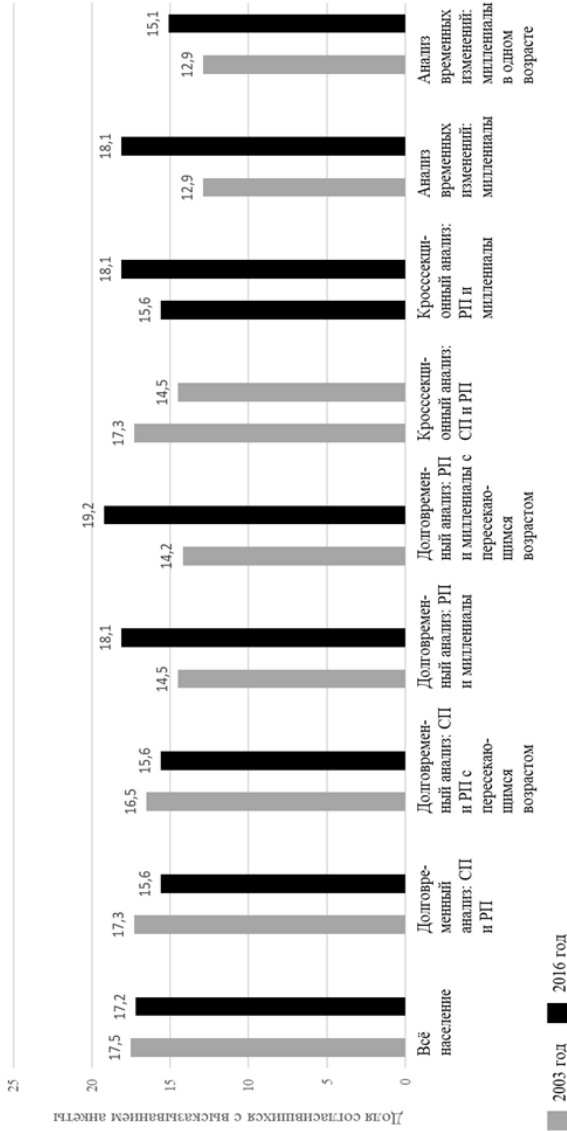

Рис. 1. Доля согласившихся с высказыванием «Я предпочитаю вегетарианскую пищу» в трех поколениях и во всем населении по трем видам измерения данных (в %)

– более молодое поколение в 2003 г. (реформенное) соглашалось с высказываем **реже**, чем более старшее (советское), – 14,5 и 17,3% соответственно (табл. 4);

– более молодое поколение в 2016 г. (миллениалы) соглашалось с высказываем **чаще**, чем более старшее (реформенное) поколение, – 18,1 и 15,6% соответственно (табл. 4).

Общий тренд по всему населению также не повторяется у миллениалов в 2016 г. по сравнению с 2003 г. (табл. 5). Когда во всем населении доля согласных снизилась, у миллениалов выросла:

– 12,9% против 18,1% в реальном поколении (табл. 5);

– 12,9% против 15,1% у миллениалов в одинаковом возрасте (табл. 5).

В случае этого высказывания видно, что использовать анализ с реальными поколениями и с поколениями в одном возрасте необязательно, так как они показывают содержательно одинаковые результаты (табл. 3–5). Однако не рекомендуется исключать один из видов сравнения, так как на других данных с иными поколениями разница между сравнением реальных поколений и поколений в одном возрасте может быть значительна.

В проведенных сравнениях на других высказываниях были случаи, при которых в схеме выполнялись только некоторые условия. Их мы не считали характерными для поколения миллениалов потому, что на подобные высказывания могли оказывать влияние различные эффекты, а не значимость различий среди поколений. Но даже имея только одно характерное высказывание для миллениалов, можно сказать, что гипотеза статьи подтвердилась: установки миллениалов по отношению к питанию отличаются от предшествующих поколений. В данном случае такая установка одна, и она характеризует интерес к вегетарианству.

Таблица 3

СРАВНЕНИЕ ДОЛИ СОГЛАСИВШИХСЯ С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ
«Я ПРЕДПОЧИТАЮ ВЕГЕТАРИАНСКУЮ ПИЩУ»,
2003 и 2016 гг. (во всем населении и в трех поколениях,
долговременный анализ)

Группа сравнения (год)	Доли согласившихся (в %; сравнение долей производилось построчно)		Группа сравнения (год)
Все население, 2003 г.	17,5	17,2	Все население, 2016 г.
Советское поколение (36–56 лет), 2003 г.	17,3	15,6**	Реформенное поколение (35–48 лет), 2016 г.
Советское поколение (36–48 лет), 2003 г.	16,5	15,6	Реформенное поколение (36–48 лет), 2016 г.
Реформенное поко- ление (22–35 лет), 2003 г.	14,5	18,1**	Миллениалы (16–34 лет), 2016 г.
Реформенное поко- ление (22–34 лет), 2003 г.	14,2	19,2**	Миллениалы (22–34 лет), 2016 г.

Источник: Российский индекс целевых групп, 2003 и 2016 гг., $N = 30\,975$ (2003 г.), $N = 22\,938$ (2016 г.).

Примечание. Числа, отмеченные «**», значимо ниже/выше значений, находящихся построчно слева, на основе критерия хи-квадрат Пирсона (доверительный интервал 95%).

Таблица 4

СРАВНЕНИЕ ДОЛИ СОГЛАСИВШИХСЯ С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ
«Я ПРЕДПОЧИТАЮ ВЕГЕТАРИАНСКУЮ ПИЩУ»,
2003 и 2016 гг. (во всем населении и в трех поколениях,
кроссекционный анализ)

Группа сравнения (год)	Доля согласившихся (в %; левая колонка)	Доля согласившихся (в %; правая колонка)	Группа сравнения (год)
Все население, 2003 г.	17,5	17,2	Все население, 2016 г.
Советское поко- ление (36–56 лет), 2003 г.	17,3	14,5**	Реформенное поколение (22–35 лет), 2003 г.
Реформенное поко- ление (35–48 лет), 2016 г.	15,6	18,1**	Миллениалы (16–34 лет), 2016 г.

Источник: Российский индекс целевых групп, 2003 и 2016 гг., $N = 30\,975$ (2003 г.), $N = 22\,938$ (2016 г.).

Примечание. Числа, отмеченные «**», значимо ниже/выше значений, находящихся построчно слева, на основе критерия хи-квадрат Пирсона (доверительный интервал 95%).

Обсуждение результатов

Итак, с помощью *схемы максимальной дифференциации* было получено единственное характерное для поколения миллениалов высказывание – «Я предпочитаю вегетарианскую пищу». Поэтому гипотеза о том, что установки миллениалов по отношению к питанию отличаются от предшествующих поколений, подтвердилась.

В данном случае высказывание «Я предпочитаю вегетарианскую пищу» может быть использовано в будущих исследованиях в качестве квазипеременной когорты (например, для APC-анализа). Это и есть то самое предварительное предположение для подкреп-

Таблица 5

СРАВНЕНИЕ ДОЛИ СОГЛАСИВШИХСЯ С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ
«Я ПРЕДПОЧИТАЮ ВЕГЕТАРИАНСКУЮ ПИЩУ»,
2003 и 2016 гг. (во всем населении и в поколении миллениалов,
анализ временных изменений)

Группа сравнения (год)	Доля согласившихся (в %; левая колонка)	Доля согласившихся (в %; правая колонка)	Группа сравнения (год)
Все население, 2003 г.	17,5	17,2	Все население, 2016 г.
Миллениалы (16–21 лет), 2003 г.	12,9	18,1**	Миллениалы (16–34 лет), 2016 г.
Миллениалы (16–21 лет), 2003 г.	12,9	15,1**	Миллениалы (16–21 лет), 2003 г.

Источник: Российский индекс целевых групп, 2003 и 2016 гг., $N = 30\,975$ (2003 г.), $N = 22\,938$ (2016 г.).

Примечание. Числа, отмеченные «**», значимо ниже/выше значений, находящихся построчно слева, на основе критерия хи-квадрат Пирсона (доверительный интервал 95%).

ления дальнейших «механических решений». То есть перед последующим анализом предполагается, что предпочтение вегетарианской пищи свойственно именно миллениалам как поколению, а на остальные поколения оказывают влияние другие эффекты (например, возраста или периода). Однако более детальное восприятие вегетарианских установок на разных территориальных, профессиональных, доходных и т.п. подгруппах требует дальнейшего изучения различными методами, как качественными (для классификации всех возможных смыслов вегетарианского концепта в разных сообществах), так и количественными (для изучения долей и влияний разных факторов на устойчивость таких установок).

Не стоит забывать, что формат анализа в данной работе был обозначен исходя из трех предпосылок. Соответственно, *схема максимальной дифференциации* будет иметь наивысший потенциал при установлении границ в наиболее «контрастных» исторических периодах для сравниваемых поколений. Поэтому, даже имея «четкие» интервалы из предыдущих исследований, необходимо их всегда дополнительно «пересматривать». Точно так же, как поступают исследователи бедности, социальных классов и т.д. И для этого был предложен обобщенный алгоритм выделения поколенческих границ, который представлен выше. И «пересмотр» этих границ отнюдь не ставит под сомнение предыдущие исследования. Наоборот, делает уже выделенные исследователями интервалы более гибкими для конкретных более узких предметных областей, не «заставляя» новых исследователей полностью пересматривать интервалы, если в их предметной области поколенческие интервалы по тем или иным причинам немного нерелевантны для одного или нескольких поколений.

Также стоит подчеркнуть, что и сама *схема максимальной дифференциации* поколений имеет ряд преимуществ:

- поиск уникальных трендов, которые не наблюдаются в популяции в целом и в других поколениях при сравнении;
- наглядное попарное сравнение, которое может быть использовано на разных этапах анализа данных.

Впрочем, она имеет и ограничения, которые необходимо учитывать:

- *схема* не чувствительна к трендам, которые для отдельного поколения не уникальны. Иными словами, если в обществе какие-либо тренды устанавливаются или усиливаются благодаря конкретному поколению, но они также влияют и на другие поколения, то на основе схемы такую информацию уловить сложно, нужно проводить дополнительный анализ;
- *схема* не может быть использована в качестве единственного вида анализа и нуждается в дополнительных методологических

процедурах. В данном случае схема была полезна для анализа высказываний по поколениям в целом. Далее для проверки гипотез потребуются иные методологические (АРС-анализ, когортный анализ и т.д.) и статистические (корреляционный, регрессионный, дискриминантный анализы) процедуры.

Заключение

Методологии установления границ поколений и анализа поколенческих различий всегда уделялось должное внимание исследователями. Комбинаций различных вариантов в литературных источниках достаточно, и данная статья была призвана дополнить уже имеющуюся обширную базу знаний по теме дифференциации поколений. Известно, что дифференцирующая сила поколенческого анализа закладывается уже на этапе установления границ поколений, поэтому выбор подхода уже с этого момента так важен.

В данной статье на примере аналитического подхода был показан алгоритм выбора границ поколений, где важными опорными точками являлись:

- анализ «поколенческого поля», то есть понимание потенциальной общественной трансформации (стадий трансформации) в рамках изучаемого предмета;
- включение в анализ других значимых поколений для сравнения уже на этапе работы с «поколенческим полем»;
- осмысленная работа с источниками, в которых обозначены границы поколений. Эта работа подразумевает анализ источников с периодическим возвращением к предмету, объекту и «поколенческому полю» при необходимости модификации наиболее подходящих границ.

Затем была описана схема анализа различий среди поколений – *схема максимальной дифференциации*. Предложенная схема довольно гибкая и обладает рядом преимуществ, хотя и не лишена недостатков. Она может быть использована как в каче-

стве отдельного вида предварительного анализа поколенческих различий, так и включена в более широкий подход к работе с АРС-эффектами. Если учитывать описанные выше недостатки, то *схема максимальной дифференциации* поколений может помочь исследователям еще лучше решать проблемы установления различий среди поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Strauss W., Howe N.* Generations The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991.
2. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–23.
3. *Радаев В.В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
4. *Meriac J.P., Woehr D.J., Banister C.* Generational Differences in Work Ethic: An Examination of Measurement Equivalence Across Three Cohorts // Journal of business and psychology. 2010. Vol. 25. № 2. P. 315–324.
5. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
6. *Mannheim K.* The Problem of Generations. Essays on the Sociology of Knowledge. New York: Oxford University Press, 1952.
7. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Сост. Ю.А. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
8. *Улицкий Я.С.* Демографическое понятие поколения // Ученые записки по статистике: сб. статей / Под ред. В.С. Немчинова. М.: Гос. стат. изд-во, 1959. С. 19–56.
9. *Никитенко В.В.* Демографический анализ поколений. М.: Статистика, 1979.
10. *Левада Ю.А.* Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
11. *Науэн М.С.* Метод когортного анализа в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 3. С. 137–144.
12. *Carstensen B.* Age-period-cohort models for the Lexis diagram // Statistics in medicine. 2007. № 26. P. 3018–3045.
13. *Ибрагимова Д.Х.* Потребительские ожидания населения России (1996–2009): как взаимосвязаны когорты, поколения и возраст // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 24–69.
14. *Bell A.* Age period cohort analysis: a review of what we should and shouldn't

do // *Annals of Human Biology*. 2020. Vol. 47. № 2. P. 208–217.

15. Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309–323.

16. Аврамова Е.М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 78–95.

17. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. Социология. Этнология. 2005. Т. 14. № 2. С. 3–40.

18. Гладарев Б.С., Цинман Ж.М. Потребительские стили петербургского среднего класса: из экономики дефицита к новому быту // Экономическая социология. 2007. № 3. С. 61–81.

19. Бранг П. Особые судьбы русского вегетарианства // Неприкосновенный запас. 2006. Т. 46. № 2. С. 119–131.

20. Hirschler C. What Pushed Me Over the Edge was a Deer Hunter: Being Vegan in North America // *Society & Animals*. 2011. № 19. P. 156–174.

21. Куни Н. Веганомика: удивительные научные данные о том, что мотивирует вегетарианцев – от обеденного стола до постели. New York: Lantern Books, 2014.

22. Lindeman M., Sirelius M. Food choice ideologies. The modern manifestations of normative and humanist views of the world // *Appetite*. 2001. № 37. P. 175–184.

23. Fox N., Ward K. Health, ethics and environment: A qualitative study of vegetarian motivations // *Appetite*. 2008. № 2–3. P. 422–429.

24. Pollan M. In Defense of Food: An Eater's Manifesto. New York: Penguin Books, 2008.

25. Scrinis G. Nutritionism: The Science and Politics of Dietary Advice. New York: Columbia University Press, 2013.

26. Кравченко С.А. Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости // Социологические исследования. 2015. № 1 (369). С. 85–94.

27. Paxson H. Rethinking Food and its Eaters: Opening the Black Boxes of Safety and Nutrition // *The Handbook of Food and Anthropology* / Ed. by J. Klein, J. Watson. London: Bloomsbury Pub., 2016. P. 268–288.

28. RuGenerations – российская школа теории поколений // *Rugenerations*. su [сайт]. URL: <https://rugenerations.su/> (дата обращения: 05.08.2020).

29. Попова Н.М., Ахжямова Ч.Р., Газимзянова Р.Ф. Питание студентов, проживающих в различных условиях // *Modern Science*. 2019. № 10–3. С. 284–287.

30. Ryder N.B. The Cohort as a Concept in the Study of Social Change // *American Sociological Review*. 1965. № 6 (30). P. 843–861.

31. Российский Индекс Целевых Групп // Ipsos Comcon [сайт]. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/rossiyskiy-indeks-celevykh-grupp-0> (дата обращения: 05.08.2020).

Tkachenko Evgenii,

HSE University, Moscow, Russian Federation, evgeniitkachenk@mail.ru

Methodological aspects of generational differentiation: on the example of determining nutritional attitudes of Russian millennials

The article is devoted to the description of the original method of generational differences analysis. This method is called the maximum differentiation scheme. With the help of the scheme we investigated unique trends in the millennial generation (born 1982–2000), which were observed neither in the entire sample nor in the other two generations for three types of data collection methods (cross-sectional analysis, analysis of temporal changes and long-term analysis). To satisfy the mechanics of the scheme, in addition to millennials, the Soviet generation (born 1947–1967) and the reform generation (born 1968–1981) were used for systematic comparisons. The research was conducted using data from the Russian Target Group Index. Thanks to the scheme, the author showed that only the statement “I prefer vegetarian food” can be considered a truly characteristic attitude of millennials. However, the scheme has two important limitations: 1) it is not sensitive to trends that are not unique to a particular generation; 2) the scheme cannot be used as the only type of analysis and needs additional methodological procedures. Taking into account these limitations, the maximum differentiation scheme can be useful both as a unique type of preliminary analysis of generational differences, and included in a broader approach to working with age and period effects.

Keywords: generational analysis, maximum differentiation scheme, millennials, nutritional attitudes.

References

1. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company, 1991.
2. Inglehart R. Postmodern: changing values and changing societies (transl., in Russian), *Polis. Political Studies*. 1997. No. 4. P. 6–23.
3. Radaev V. *Millennials: How Russian society is changing* (in Russian). M.: HSE, 2019.
4. Meriac J.P., Woehr D.J., Banister C. Generational Differences in Work Ethic: An Examination of Measurement Equivalence Across Three Cohorts, *Journal of business and psychology*. 2010. Vol. 25. No. 2. P. 315–324.

5. Radaev V. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis (in Russian), *Sociological Studies* (Sotsiologicheskie issledovaniya). 2018. No. 3. P. 15–33.
6. Mannheim K. *The Problem of Generations: Essays on the Sociology of Knowledge*. New York: Oxford University Press, 1952.
7. *Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia* (in Russian). M.: NLO, 2005.
8. Ulitsky Y.S. Demographic concept of generation (in Russian), in: Nemchinov V. (ed.) *Scientific notes on statistics*. M.: State. stat. publishing house, 1959. P. 19–56.
9. Nikitenko V.V. *Demographic analysis of generations* (in Russian). M.: Statistics, 1979.
10. Levada Y.A. Generations of the 20th century: research opportunities (in Russian), *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2001. No. 5 (55). P. 7–14.
11. Nauen M.S. Method of cohort analysis in sociology (in Russian), *The journal of sociology and social anthropology* (Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii). 2006. No. 3. P. 137–144.
12. Carstensen B. Age–period–cohort models for the Lexis diagram, *Statistics in medicine*. 2007. No. 26. P. 3018–3045.
13. Ibragimova D. H. Consumer Expectations of Russian Population (1996–2009): How are Cohort, Generation and Age Related? (in Russian), *Economic Sociology* (Ekonomicheskaya Sotsiologiya). 2014. Vol. 15. No 3. P. 24–69.
14. Bell A. Age period cohort analysis: a review of what we should and shouldn't do, *Annals of Human Biology*. 2020. Vol. 47. No. 2. P. 208–217.
15. Popov N.P. Russian and American generations of the 20th century: where have Millennials come from? (in Russian), *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2018. No. 4. P. 309–323.
16. Avraamova, E. M. The social positioning and social practices of Russian millennials (in Russian). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 78–95.
17. Ilyin V.I. Consumer society: theoretical model and Russian reality (in Russian), *Universe of Russia* (Mir Rossii). 2005. Vol. 14. No. 2. P. 3–40.
18. Gladarev B., Tsinman Z. Consumer Styles of the Saint-Petersburg Middle Class: from the Economy of Deficit to New Way of Life (in Russian), *Economic Sociology* (Ekonomicheskaya Sotsiologiya). 2007. No. 3. P. 61–81.

19. Brang P. Special fate of Russian vegetarianism (in Russian), *Neprikosnovennyi zapas*. 2006. Vol. 46. No. 2. P. 119–131.
20. Hirschler C. What pushed me over the edge was a deer hunter: being vegan in North America, *Society & Animals*. 2011. No. 19. P. 156–174.
21. Cooney N. *Veganomics: the surprising science on what motivates vegetarians, from the breakfast table to the bedroom* (in Russian). New York: Lantern Books, 2014.
22. Lindeman M., Sirelius M. Food choice ideologies. The modern manifestations of normative and humanist views of the world, *Appetite*. 2001. No. 37. P. 175–184.
23. Fox N., Ward K. Health, ethics and environment: A qualitative study of vegetarian motivations, *Appetite*. 2008. No. 2–3. P. 422–429.
24. Pollan M. *In Defense of Food: An Eater's Manifesto*. New York: Penguin Books, 2008.
25. Scrinis G. *Nutritionism: The Science and Politics of Dietary Advice*. New York: Columbia University Press, 2013.
26. Kravtchenko S.A. Social and cultural dynamics of food: Gains and vulnerabilities (in Russian), *Sociological Studies* (Sotsiologicheskie issledovaniya). 2015. No. 1 (369). P. 85–94.
27. Paxson H. Rethinking Food and its Eaters: Opening the Black Boxes of Safety and Nutrition, Klein J., Watson J. (eds.) *The Handbook of Food and Anthropology*. London: Bloomsbury Pub., 2016. P. 268–288.
28. *RuGenerations – Russian school of generation theory* (in Russian). URL: <https://rugenations.su/> (date of access: 05.08.2020).
29. Popova N.M., Akhkyamova C.R., Gazimzyanova R.F. Meals for students living in different conditions (in Russian), *Modern Science*. 2019. No. 10–3. P. 284–287.
30. Ryder N.B. The Cohort as a Concept in the Study of Social Change, *American Sociological Review*. 1965. No. 6 (30). P. 843–861.
31. *Russian target group index*. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/rossiyskiy-indeks-celevykh-grupp-0> (date of access: 05.08.2020).